

М.О. БАРУТКИНА

*(Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-3:27-249

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-40

КНИГА «ОТКРОВЕНИЕ ИОННА БОГОСЛОВА» В ТВОРЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ ВОЛОШИН – ДОСТОЕВСКИЙ

Аннотация. Последняя книга Библии становится основой для диалога в культуре между двумя эпохами: классическая литература и модернизм. Рассматривая проблему не влияния, но со-творчества, приходим к мысли о взаимообогащении авторских художественных миров новыми смыслами. Религиозный тип сознания позволяет Волошину и Достоевскому сделать книгу «Откровение Иоанна Богослова» основой для диалога, полем для спора и согласия.

Ключевые слова: Апокалипсис, Достоевский, Волошин, диалог в культуре, судьба России, смута, страшный суд.

«Они живут, идут за нами, как будто провожают нас к таинственной цели; они продолжают любить и страдать в наших сердцах, как часть нашей собственной души, вечно изменяясь, вечно сохраняя кровную связь с человеческим духом» [Мережковский]. Нам кажется, что это мы выбираем себе спутника, на самом деле он выбирает нас. Это особенно отчетливо видно на примере жизни, которая остается в истории. Суть встречи с вечным спутником в том, что мы видим только начало этого диалога, а конца и не может быть. Главное условие для такого рода со-творчества, это наличие общего поля, т.е. одинакового типа сознания у авторов, схожего мирозерцания. Евангелие становится тем самым мостом, на котором встречаются художники. «Когда диалог кончается – все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться. В плане своего религиозно – утопического мировоззрения Достоевский переносит диалог в вечность, мысля ее как вечное со-радование, со-любование, со-гласие» [Бахтин 1979: 294].

Апокалипсис – это откровение не только о конце света, но и о начале новой жизни. Апокалиптичность мышления в XIX веке воспринимается как дар провидения, для XX века это уже естественный взгляд на мир. Со времен, когда люди впервые

соприкоснулись с Откровением Иоанна Богослова, они пытались узреть черты крушения мира в каждой эпохе. Особенно много причин для осознания, что Апокалипсис уже наступил, было у современников двух мировых войн, свои причины были также у очевидцев красного террора и гражданской войны в России. В эпоху золотого века русской культуры Апокалипсис становится одним из основных библейских сюжетов только для Достоевского, и отчасти для Гоголя, остальные авторы обходят эту тему стороной. Зато в противовес этому молчанию, в начале XX столетия и особенно после революции 1917 года, кажется, что все только об этом и говорят. Осмысление этот сюжет находит в первую очередь в трудах философов и религиозных мыслителей: В. Розанов «Апокалипсис нашего времени»; П. Флоренский «Эсхатологическая мозаика»; С. Булгаков «Апокалиптика и социализм»; Н. Бердяев. «Война и эсхатология»; В. Соловьев «Три речи». Художественное осмысление Апокалипсис получает в творчестве поэтов и писателей Серебряного века, особенно это характерно для символистов. Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов, М. Волошин – работают над тем, чтобы увидеть современность евангельских символов и если не предотвратить приближающуюся катастрофу, то хотя бы предупредить о ней. В этом контексте мы должны рассмотреть диалог Достоевского и Волошина, сконцентрировав внимание только на том, что их объединяет, так как сравнение любого символиста с классиком закономерно в виду смены эпох и взаимообогащения.

Достоевский – редкий автор, который вводит Апокалипсис во все свои тексты, но самое главное, что он смотрит на конец света через призму религиозного сознания. Он воспринимает Апокалипсис, как начало новой жизни, как спасение мира, а не как его кончину. “Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие” [Карякин]. Достоевский подчеркивает, что ценность жизни обретается и понимается только в момент столкновения со смертью. Когда человеку или человечеству грозит небытие, тогда только начинается подлинная жизнь для человека и человечества. Иного пути нет. Апокалипсис нашел отражение не только в творчестве классика, но и в его жизни. Достоевский стоял на Семеновском плацу не перед лицом ружей, государства, народа, но перед лицом Апокалипсиса – т.е. конца света для отдельно взятой личности. Это переживание Апокалипсиса в повседневности позволило ему видеть то, что скрыто от других – смертность мира, катастрофичность, переходность. Он наделяет этим

уникальным знанием и своих героев, он оставляет их в системе координат, где только две плоскости – жизнь и смерть, а третьего пути нет. Отсюда «Я не старушку убил, я себя убил» – апокалиптичность сознания автора переходит на сознание его героев. Все находятся на грани безумия, ходят по-над пропастью, замирают у обрыва. Апокалиптичность мышления подразумевает невозможность даже просто существования середины жизни: или полное принятие, или полное отрицание. Митя Карамазов разрывается не между двумя реальными женщинами, а между «идеалом Содомским» и «идеалом Мадонны». Герои не признают бытовых проблем, обыденной жизни, каждый день это борьба Бога и дьявола и каждое мгновение насыщено, наполнено до краёв этой борьбой. «На Достоевском, величайшем русском гении, можно изучать природу русского мышления, его положительные и отрицательные полюсы... Русский же – апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе» [Бердяев «Духи русской революции»]. Апокалиптичность Достоевского в первую очередь имеет религиозные корни, отсюда же растет и нигилизм. То ветви одного дерева, которое именуется вечным вопросом о существовании Бога и бессмертии души. Апокалиптичность русского человека привела его к революции, к иллюзорной возможности построить Вавилонскую башню и идеальное государство без Бога. У Достоевского есть текст, который полностью посвящен предвестию русского Апокалипсиса – 1917 года. С романа «Бесы» мы и начнем.

Первое обращение к Апокалипсису возникает в речи Николая Всеволодовича, когда он разговаривает с Кирилловым о его приближающемся самоубийстве. Герой Достоевского оказывается между жизнью и смертью, в отчаянный момент Апокалипсиса для одного человека он вспоминает об Апокалипсисе человечества. Важно, что произносит Ставрогин – главный «бес» романа – он напоминает будущему самоубийце, что времени нет. Без иронии, серьезно произносит искуситель: «В Апокалипсисе ангел клянется, что времени больше не будет» [Достоевский 2010: 56]. Это не утешение и не провокация, это будто единственное, что может соединять людей, делая их созвучными друг другу. До этого момента они не вели диалог, Ставрогин продолжал свои мысли, а Кириллов свои, но потом все строится только на одном слове о ненужности времени, если есть счастье. Здесь образ Кириллова дробится на два противоборствующих – Кириллов атеист и Кириллов, который зажигает лампаду перед иконой и любит детей. Есть в этом характерная для всех героев

раздвоенность, двойничество является в этом диалоге в виде двух Апокалипсисов – от пустоты жизни и от полноты жизни, счастья. «Апокалипсис Ставрогина имеет негативный характер, он – символ уничтожения памяти и души, сгубившей себя при жизни. Апокалипсис Кириллова (особенно на фоне позиции Ставрогина) выглядит как позитивная позиция, как особая религиозная цель, к которой герой идет не от усталости, но от особой полноты своих чувств и желаний» [Сморжко]. Апокалипсис Достоевский рисует не только в рамках одного человека, но и в границах страны – символически бесовщиной заражена Россия, фактически один ее город. Революционная идея, которая охватывает главных героев романа, является тем самым инструментом устройства конца света на земле. Апокалипсис знаменует приходом антихриста, то есть лже-Христа, самозванца. Природа самозванства проистекает из идеи о конце света, потому что конец наступает тогда, когда во главу становится не тот, кто должен. Ставрогин – главный герой романа и главный самозванец, все остальные его отражения и двойники.

Самозванец может появиться только во время смуты, когда общество уже заражено. Только подготовленный к перевороту народ может этот переворот совершить и принять. Достоевский рисует не только канонический взгляд на Апокалипсис, его Ставрогин не только лже-Христос (управитель мира духовного), но и лже-князь (управитель мира земного). Автор вводит революцию как способ претворения конца света в жизнь, как путь к концу. Эти новые образы наслаиваются на Откровение Иоанна и в уже измененном виде приходят к началу XX столетия.

Волошин жил внутри Апокалипсиса, он видел его своими глазами и в красках описал. Конец света по Волошину это духовная смерть народа, это невозможность увидеть божественное провидение, это всемирная глухота и слепота. Характерно, что Волошин называет Апокалипсис смутой, смутным временем. Естественно, что новое Смутное время называется смутой не из-за Достоевского, а потому что Волошин видит повторения в истории, видит, как развитие страны движется по спирали. Но, зная, что поэт в тяжелое время всегда обращался к великому предшественнику, искал в его творчестве ответы на вечные вопросы. Именно у Достоевского он находит образы, которыми может объяснить то, что свершается в стране. Бесовщина, религиозное заболевание, одержимость, смута, муть...

«Слушайте, мы сначала пустим смуту...» [Достоевский 2010: 123] – Верховенский предлагает Ставрогину стать новым царем, а он

отказывается. Но пройдет несколько десятков лет и такой диалог произойдет в реальности, потому что большевизм это именно смута, помутнение рассудка, сердца, памяти. Почти в одних числах Волошин пишет два стихотворения: «Трихины» (10 декабря 1917 г. Коктебель) и «Святая Русь» (19 ноября 1917 г. Коктебель), первое напрямую посвящено Достоевскому, второе вновь упоминает о самозванстве как о болезни. Волошин пишет, что Россию вечно захватывает эта мутная волна, она легко поддается уговорам, она с восторгом воспринимает деспотов и верит лжецам.

Но тебе сыздетства были любви...

Самозванцы, воры да расстриги

(«Святая Русь») [Волошин Т.1: 256]

Самозванство на Руси воспринимается естественно и органично, потому что страна больна, обманута, духовно как бы подготовлена к падению. Апогея самозванство достигает в тексте «Дмитрий – Император», который создается в том же декабре 1917 года. Дмитрий является воплощенным лже-Царем, лже-спасителем, потому Волошин наделяет его мистической символикой, он не рождается, он возрождается из небытия, как бы вновь просыпаясь, чтобы встать во главе хаоса. Более того здесь явлено самозванство как явление заразное, главный самозванец является в разных обличьях, у него сотни двойников.

Тут тогда меня уж стало много:

Я пошел из Польши, из Литвы,

Из Путивля, Астрахани, Пскова,

Из Оскола, Ливен, из Москвы...

(19 декабря 1917) [Волошин Т.1: 250]

Текст написан через неделю после стихотворения, посвященного Достоевскому, здесь невольно возникает образ бесовского наваждения в виде Ставрогина и его учеников – союзников-отражений. А в комментариях мы читаем: «Мне, может, удастся выявить после и лики русских демонов, не только бесов. Пока у меня единый русский демон – «Дмитрий – Император». Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распыленного тоже между тысячами бесов («имя ему – легион»)» [Волошин Т.1: 542]. Это из письма Волошина А. М. Петровой, и учитывая, что книга «Россия распятая» вся посвящена образам Достоевского, то здесь можно вспомнить не только лже-царя из XVII века, но и Ставрогина.

Более того, в романе «Бесы» есть глава, которая называется «Иван-Царевич» и там напрямую поднимается проблема самозванства

как эсхатологическая проблема.

« – Кого-о?

– Ивана-Царевича; вас, вас!

Ставрогин подумал с минуту.

– *Самозванца?* – вдруг спросил он, в глубоком удивлении смотря на иступленного. – Э! так вот наконец ваш план.»

Так впервые в литературе смешивается антихрист и самозванец, природа и того и другого – оборотничество, при внешних сходствах радикально противоположное духовное наполнение. Самозванец – тот, кто призывает себя на трон сам, и нет ничего страшнее для русского сознания, которое привыкло, что вся власть от Бога. Антихрист – тот, кто провозглашает объединение мира под одной идеей, только это идея не свободной любви, не христианства, а рабского преклонения перед земными авторитетами.

Так мы видим, что Волошин и Достоевский, изображая один евангельский сюжет, обращаются не только к каноничным образам, но и добавляют свои, что важно отметить, одни и те же – смута и самозванство. Эти образы красной нитью проходят через все волошинские стихотворения этого времени:

Да не *смутится* сей игрой

Строитель внутреннего Града

(«Петроград», 9 декабря 1917) [Волошин Т.1: 250];

Надрыв и *смута* наших дней («Гражданская война» 21 ноября 1919) [Волошин Т.1: 329];

Черный ветер ледяных равнин,

Ветер *смут*, побоищ и погромов

(«Северовосток» 31 июля 1920) [Волошин Т.1: 335];

Со dna души вздувалось, нагрубало

Мучительно-бесформенное чувство –

Безмерное и смутное – Россия

(«Россия» 6 февраля 1924) [Волошин Т.1: 368].

Волошин, описывая Апокалипсис, так же, как Достоевский, обращается к образу смуты, смута и самозванство обогащают, приближают к нашей истории евангельский конец света. «Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» [Достоевский 2010: 464]. Переключки заметны даже на уровне лексики. Крайне характерно для поэзии Волошина использование рядом с *Русью* слов *туман*, *смута*, *Бог*, *мир* и т.д. Это все лексика безумия, когда все смешивается в хаосе и больше ничего не ясно, пелена на глазах.

«Туманят дух, цветут в бойцах Огнями дьявольского сева»; «туманных утр и облаков»; «в багряных свитках зимнего тумана нам солнце гневное явило лик втрое»; «голубые просторы, туманы, ковыли, да полынь, да бурьяны»; «всё, что было, повторится ныне... И опять затуманится ширь» – и это только в стихотворениях о Руси и только в связи со словом «туман». Русь, действительно, туманится, теряется в каком-то мутном угаре, в дыму.

В тумане, в смуте теряется не только сама Россия, но и ее облик, лик, лицо, вместо этого появляются «личины» и маски. Читаем в комментариях к роману: «Ведь это Ставрогин прямо или косвенно губит и Лизу, и Шатова, и Кириллова, и даже Верховенского и иже с ним. ... Каждого из подчиняющихся его влиянию обманывает его личина, но все эти личины разные, и ни одна не есть его настоящее лицо» [Достоевский 1988-96: 446]. Лиц в мире Волошина нет, зато есть целый сборник, который озаглавлен – «Личины», написан он в 1818 – 1919 гг. как попытка увековечить «ряд масок революции» [Волошин Т.1: 548], потому что скоро они исчезнут. Личины революции все, так или иначе, отражают главного демона – лже-Христа, все маски похожи друг на друга, все абсурдны, смертны, мелочны. Среди них нет милосердия, нет красоты, нет света, их личины складываются из фраз и предметов, которыми они торгуют. Более того, некоторые названы прямо «зверь зверем» это о большевике. Он дает портретную галерею бесов, мелких отражений главного демона, только двойники, все отличающиеся друг от друга, все похожие на него. Посмотрим, как Волошин создает портреты бесов и пейзажи зараженных городов, снова сопоставляя с поэтикой Достоевского.

М. Бахтин цитировал слова Л. Гроссмана о Достоевском: «Его задача – преодолеть величайшую для художника трудность – создать из разнородных, разноценных и глубоко чуждых материалов единое и цельное художественное создание. Вот почему книга Иова, Откровение св. Иоанна, евангельские тексты, Слово Симеона Нового Богослова – все, что питает страницы его романов и сообщает тон тем или иным его главам, своеобразно сочетается здесь с газетой, анекдотом, пародией, уличной сценой, гротеском или даже памфлетом» [Бахтин 1979: 17]. Здесь подчеркивается самое уникальное в Достоевском – парадокс, сочетание несочетаемого. Это будет характерно для него и в духовном плане, когда свет будет виден только через тьму. Достоевский изначально создавал «Бесы», отталкиваясь от реальной истории Нечаева, а получился метафизический роман-предсказание. По сути, Волошин всегда только

так и работает: он берет абсолютно конкретное событие, кладет его в сюжетную основу, но в итоге выходит к размышлениям о мессианском пути России или перерождении через покаяние.

В качестве примера обратимся к стихотворению «Большевик». Во-первых, Волошин изображает реально существовавшего большевика, более того, ему стихотворение и посвящается. Во-вторых, сразу указывается ряд узнаваемых черт: «крученка во рту», «за поясом два пистолета». Большевику дается голос, и он произносит фразу о том, что своих буржуев будет резать сам. В текст введено словосочетание, которое появилось только в это время и актуализировало свое значение: «внесен в расход». Есть драматичный, даже трагичный, насыщенный сюжет, происходят диалоги, динамика развития действия, лексика нового времени – все говорит о крайней актуальности ситуации, а с другой стороны, этот образ вписан в ряд других, похожих друг на друга. Будут различаться диалоги и действия, но это все безжизненные маски тех, кто не смог остаться с живой душой. В итоге создается впечатление, что Волошин идет художественно по тому же пути, что и Достоевский, соединяя евангельские, духовные прозрения с конкретикой улицы, с повседневностью.

В романе Достоевского «Преступление и наказание» библейский масштаб присущ последнему сну Раскольников о трихинах. Эта вольная интерпретация Апокалипсиса, панорама последнего времени человека на земле, отражена в упоминавшемся выше стихотворении Волошина «Трихины». Следует учесть, что концом света Волошин называл войну и революцию. В первом же четверостишии содержится отсылка не только к роману Достоевского, но и к Откровению Иоанна Богослова.

Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут – мор, голод и война.

[Волошин Т.1: 256]

Так в одном фрагменте соединяются образ из романа Достоевского и символика последней книги Библии. В комментариях читаем: «Ср. в пророчестве св. Иоанна о «коне блед»: “Дана ему власть... умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными”» [Волошин: 532]. Если до революции в описании Апокалипсиса у поэта преобладали античные мотивы, то после 1917 года и увиденных ужасов реального распадающегося мира, «поэт меняет лексику и адресат вопрошания и предсказания. Он возвращается к пророчеству Достоевского» [Абрамов 2008: 185].

Апокалипсис – это второе пришествие Христа и Страшный Суд. Тема Суда одна из самых отчетливо вырисовывающихся в творчестве Достоевского именно как духовная доминанта в финалах романов (суд над Дмитрием, суд над Раскольниковым). В «Преступлении и наказании» суд оборачивается жизненной необходимостью себя самого осудить. Высший Суд может произойти только тогда, когда человек готов к нему, когда уже сам себя смог осудить и вину принять на себя. В книге «Родная речь» А. Генис и П. Вайль высказывают мысль, что идея двойников у Достоевского дошла до того, что все в романе двойники, то есть, больше никого, кроме самого Раскольникова, и нет. Тем более нет и старушки, потому что «он себя убил». Если в романе больше никого нет, то тогда в чем суть? Суть оказывается в признании вины. Ты сам должен осудить себя, тогда Страшный Суд будет помилованием и исцелением. «Однако, поскольку душа неисчерпаема, то и судить может только сам преступник. Это и есть Страшный суд, в процессе которого происходит познание себя, открытие в себе Божьего замысла о человеке» [Вайль, Генис] Суд должен произойти внутри героя, он должен стать готовым к ответственности. Моление о чаше должно перейти в провозглашение воли Божьей превыше своей. Это происходит и с Дмитрием, когда он идет на суд человеческий, но внутри у него свой суд. Рано или поздно суд вершит над собой каждый герой, это его принятие или неприятие мира божьего, это взятие или отказ от идеи «общей вины».

Волошин в книге «Путиами Каина» воссоздает картину мира, который стремительно движется к Апокалипсису. В конце мира будет Страшный суд, по этой схеме и выстраивает Волошин свою поэму. Завершающая глава – «Суд». Первое, что стоит подчеркнуть, это эпиграф: «И отдала земля мертвых, бывших в ней» (парафраза новозаветного текста; ср.: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем...» – Откровение св. Иоанна Богослова XX, 14)» [Волошин Т.2: 658]. Главное идея, которую Волошин хочет провозгласить в последней поэме – Апокалипсис как Воскресение. Вновь религиозная точка зрения поворачивает конец света в такой ракурс, что он превращается в начало новой жизни. Строка, которая завершает всю книгу «Путиами Каина», и есть узаконенный в первую очередь Достоевский, а не евангельский пласт. Страшный Суд у Достоевского достается герою. Страшный Суд у Волошина становится его личной ответственностью: «И сам себя судил» [Волошин Т.2: 45].

Верховенский обращается к Ставрогину (глава «Иван-Царевич»),

потому что ему нужен интеллигент для завершения дела, и здесь выражена суть русского социализма. Революция 1917 года была произведена не народом, не мужиками, которые устали от гнета, но просвещенной частью населения России, своеобразной элитой. Даже на таком уровне вскрывается пророческий дар Достоевского. Пророчество это и есть Откровение, когда некая высшая сила помогает тебе увидеть то, что для других скрыто пеленой. По сути, роман «Бесы» рисует Апокалипсис, даже формально: там гибнет 13 человек, это треть всех героев романа. В Апокалипсисе сказано, что погибнет после Армагеддона треть всего человечества.

Книга Волошина «Неопалимая Купина» – это не пророчество, это констатация факта, это запись по горячим следам разрушения мира. Пророчество Достоевского стало реальностью. Но у поэта есть и свое Откровение, свой Апокалипсис – это книга «Путями Каина». Это пророчество о будущем цивилизации, если она не выберет иной путь развития. Цивилизация может выродиться в «братство Каина», с его поклонением машине, благоразумным стадным чувством, безответственностью, ленивым пожиранием слабых, несвободой.

Как в «Бесах» можно бесконечно выделять символику последней книги Библии, и лучшим аргументом все равно останется сама атмосфера романа, так и в книге «Путями Каина» можно найти апокалипсические образы от змея до Страшного Суда. Самым весомым доводом будет атмосфера гибельности, смертности человеческого мира.

Волошин, сравнивая пророчества ранних христиан и В. Соловьева об Апокалипсисе, приходит к выводу, что вопреки всем философам Достоевский первый говорит не о гибели государства, мира, но о гибели духа человека. Здесь, естественно, Волошин идет напрямую по стопам пророка. Насквозь апокалиптическое мышление Достоевского совпадает с мышлением Волошина, именно художественный взгляд на бытие, а не только сама трактовка библейских мотивов. Исследователь Яковлев назовет православие Волошина «не историческим православием, а апокалиптическим». Апокалипсис в религиозном сознании не конец света, а конец тьмы, так как после него начнется обновленная жизнь, поэтому два этих художника так много пишут и размышляют об Откровении, в нем они видят спасение. Отсюда основной метод поэтики обоих творцов – изобразить мрак, сгущенный до последнего предела и в нем увидеть проблеск света и спасение. Это конец света, после которого верящие в него надеются обрести настоящий «невечерний» свет.

Главной Книгой Библии для обоих авторов стало «Откровение Иоанна Богослова» в виду апокалиптичности их сознания, и Волошин и Достоевский смотрят на Апокалипсис как на возможность духовно переродиться, ибо после конца света будет Страшный Суд и новая жизнь. Об этом новом мире, о Граде Небесном и грезят авторы, когда изображают свой мир как мрак, сквозь который пробивается свет. Волошин соединяет Апокалипсис со Смутным временем, хотя этого мотива нет в последней Книге Библии. Он воспринимает Конец света через призму Достоевского, используя его образы и символику. Поначалу, серьезным отличием казалось, что Волошин трактует Апокалипсис в рамках судьбы России, а Достоевский как конец света для отдельно взятого человека, но при более внимательном рассмотрении проблемы оказалось, что это не отличие, а сближение. И если поверить философу Степуну, то Россия – это главная тема и главный герой Достоевского, она неявно отражается в каждом. Волошин трактует все Библейские образы как образы России, именно потому, что это созвучно миросозерцанию Достоевского.

Если представить, что Библия это поток света, а творчество Достоевского это зеркало, то луч Благой вести достигает Волошина, уже будучи отраженным. Это отражение «отраженного» создает своеобразную анфиладу зеркал, бездонность смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета / Библия – М.: «Российское Библейское общество», 2001.

Волошин М.А. Собрание Сочинений: в 8 т. Т.2. Стихотворения и поэмы 1891 – 1931 / М.А. Волошин – М.: Эллис Лак, 2004.

Волошин М.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1 Стихотворения и поэмы 1899-1926 / М.А. Волошин – М.: Эллис Лак, 2008.

Достоевский Ф.М. Бесы // Собрание сочинений: в 10 т. Т.6. / Ф.М. Достоевский. – М.: КниговеК, 2010.

Достоевский Ф.М. Бесы. Комментарии // Собрание сочинений: в 15 т. / Ф. М. Достоевский – Л.: «Наука», 1988 – 1996.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собрание сочинений: в 10 т. Т.4. / Ф.М. Достоевский. – М.: КниговеК, 2010.

Абрамов М.А. Эсхатологические мотивы в творчестве М.А. Волошина / М.А. Абрамов – Материалы XII Волошинских чтений «Мой дом раскрыт навстречу всех дорог...». Феодосия: РА «Арт – Лайф», 2009.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / *М. М. Бахтин* – М.: «Советская Россия», 1979/

Бердяев Н.А. Духи русской революции. [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html>

Вайль П., Генис А. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности [Электронный ресурс] / П. Вайль, А. Генис // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Vail/20.php

Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис [Электронный ресурс] / Ю.Ф. Карякин // URL: http://www.pereplet.ru/text/kor_dos_aro.html

Мережковский Д.С. Вечные спутники [Электронный ресурс] / Д.С. Мережковский / URL: <http://www.litmir.net/br/?b=98055>

Сморжко С.Н. Художественная эсхатология в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. фил. наук / С.Н. Сморгко; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – URL: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennaya-eshatologiya-v-romanah-f-m-dostoevskogo-1860-1870-h-godov>

Степун Ф.А. Мирозерцание Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском / Ф.А. Степун – СПб.: «Андреев и сыновья», 1994.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. О.А. Скриповой